

Вадим Ярмолинец

Любовный круг Александра Федорова

О том, что у писателя Александра Митрофановича Федорова была в жизни не одна любовь, говорили многие. Вера Николаевна Муромцева-Бунина в «Жизни Бунина» пишет, что друг ее мужа «жить не мог без романов». Одесский краевед С.З. Луцик – один из исследователей семейной истории известного в начале XX века писателя – подтверждает это со ссылкой на большефонтанских соседей Федоровых. Из того же источника следует, что жена писателя Лидия Карловна относилась к этому спокойно, считая, что поэту без увлечений нельзя.

Вера Николаевна познакомилась с Федоровыми, впервые приехав в Одессу в 1907 году. Ей самой было тогда 26 лет. Федоровы к этому времени были женаты 19 лет. Внимательное чтение любовной лирики А.М. Федорова позволяет взглянуть на его истинные отношения с супругой не глазами молодой гостьи или соседей, но самих Федоровых. Впечатление такое, что к готовности закрыть глаза на похождения мужа Лидия Карловна пришла через тяжелое потрясение. Судя по всему, до полного разрыва не дошло лишь потому, что ни родителей, к которым она могла бы вернуться, ни средств, на которые она могла бы существовать самостоятельно, у нее не было. Мы имеем дело с типовым набором проблем замужней женщины XIX века, благодаря которым мировая литература получила «Анну Каренину».

Для Лидии Карловны измена мужа была особенно тяжела еще и потому, что ее любовь к нему была и жертвенной, и совершенно безоглядной. Она вышла замуж не просто за нищего сироту, она поверила его обещанию стать знаменитым поэтом. И это при ее часто упоминавшемся друзьями прагматизме!

О первой поре любви Федорова к жене можно судить по посвященному ей стихотворению из первого поэтического сборника 1894 года:

Спи, моя милая! Сон твой мечтательный
Я не нарушу ни песнею нежною,
Ни поцелуем любви обаятельной,
Ни самовластной лаской мятежною.

Здесь, пред мерцающей бледной лампадою,
Перед Владычицей Девой Пречистою,
С кроткою нежностью, с тихой отрадою,
Стану молиться я с верою чистою.

Стану молиться, чтоб жизнь многотрудную
Шла ты, полна, как теперь, обаяния,
Чтобы тебя, мою милую, чудную,
Бог сохранил от тревог и страдания!..¹

Александр и Лидия заключили брак в 1888 году. Мы узнаем об этом из очерка «Аполлон Майков», в котором Федоров рассказал о своем визите к живому классику в свой первый приезд в Санкт-Петербург. На вопрос Майкова, женат ли он, Александр отвечает: «Только женился».

Женился он на актрисе, которая была старше его года на дватри. Познакомились они в театре. Из автобиографического очерка в сборнике «Первые литературные шаги», изданном в 1911 году историком литературы Ф.Ф. Фидлером, мы узнаем, что стихи Саша Федоров начал писать еще в родном Саратове лет пятнадцати. Увлечение дало двойкий результат: его напечатали в газете «Саратовский листок» и выгнали из реального училища. В поисках дополнительных заработков начинающий поэт стал писать куплеты на злободневные темы для артистов местного театра. Это открыло ему дверь на сцену. Пиком его театральной карьеры, которая длилась два года, стало исполнение роли Дона Карлоса. Вступив в брак, молодожены покинули театр.

Невестка Александра Митрофановича Надежда Ковалевская вспоминала, что свекровь была из немцев. Судя по месту ее встре-

чи с мужем, из немцев Поволжья. Отчество также указывает на немецкие корни. В базе данных одесского отделения общества «Мемориал» есть информация, что Лидия Карловна Федорова родилась в городе Павлограде в Болгарии и по происхождению русская. Ее девичья фамилия неизвестна, никаких упоминаний о ее родителях нет.

О том, насколько сильным было чувство Лидии к избраннику, можно судить по решению оставить театр и отправиться с ним в добровольную ссылку, где тот мог бы целиком отдаться литературе.

Молодые поселились в башкирской деревушке Курменкей в восьмидесяти верстах от Уфы и провели там два года. Одиссея двух скрывшихся от мира влюбленных напоминает другую – доктора Юрия Живаго и Лары.

Талант, трудолюбие и целеустремленность Федорова дали плоды. В 1894 году в Москве вышел в свет полуторастастраничный том «Стихотворения А.М. Федорова», а Санкт-Петербургский журнал «Труд» опубликовал его первую повесть – «Весною». Помимо этого, в Башкирии Федоров начал работу над своим первым романом – «Степь сказалась». Его премьера состоялась в 1897 году на страницах Санкт-Петербургского еженедельника «Живописное обозрение». К этому времени Федоровы прочно связали свою жизнь с Одессой.

За образами супругов Андрея и Варвары Бессоновых из «Степи» угадываются сами Федоровы. Молодой чиновник пишет роман, а его супруга, оставившая театр актриса, занимается подсобным хозяйством. В этом романе автор впервые касается темы, которая становится в его творчестве основополагающей, – роковой связи человека со своей исконной, богоданной средой: этносом, сословием, классом, занятием. Главный герой романа – башкир Араслан Арасланов, получивший блестящее столичное образование, приезжает в Башкирию, чтобы защитить свой народ от земельных спекулянтов. Но после пережитого любовного потрясения он возвращается в родную степь, надевает традиционный башкирский халат и демонстрирует сознание малого ребенка. А Варвара Бессонова, оставив мужа, возвращается... в театр.

Творчество Федорова – автобиографично, и это позволяет предположить, что, живя в башкирской глуши, Лидия Карловна не раз вспомнила о сцене, что и нашло свое отражение в романе.

Но в жизни победила любовь. Лидия осталась с Александром, начавшим медленное продвижение к славе. Движение вверх по лестнице признания сопровождалось движением супругов в юго-западном направлении.

Из собрания стихов, увидевших свет в 1894 году, следует, что к этому времени Федоров побывал в Крыму, который ошеломил его роскошью южной природы. Но при выборе нового места жительства ориентироваться нужно было не только на приморские красоты, но и на возможность заработков. В его случае – в периодических изданиях.

В автобиографии Федоров пишет, что поселился в Одессе с супругой в 1895-1896 году. Двойная дата позволяет предположить, что приезд 1895 года был временным – на лето. Супруги тогда снимали дачу в Люстдорфе. Сомнения относительно выбора постоянного места жительства не были разрешены, по меньшей мере, до марта 1897 года, когда Бунин писал своему другу: «Сразу сейчас не соображу, где удобнее Вам устроиться на лето. Жить, конечно, в той же Полтаве можно очень недорого; но Вы ведь ничего определенного не пишете, о Полтаве ли Вы говорите, или о других каких местах. Кроме того – ведь Вам нужней города с газетой. Если так – похлопочите насчет Киева. Клянусь Вам, нет лучше города на земле! Люди, кажется, дряннь, но сам город, – нечто упоительно милое и изящное».²

Окончательно семью связало с Одессой рождение сына Виктора – в сентябре 1897 года. Александр Митрофанович не чаял души в своем первенце. В это время в его прозу и поэзию прочно входит новый образ – «моего мальчика». Этого мальчика так много, что над литератором посмеиваются и в его ближайшем окружении, и гости, в числе которых Чехов. «Мой мальчик» оказывается даже в повести Катаева «Уже написан Вертер», прототипом главного героя которой он служит.

Первые годы в Одессе, кажется, можно назвать годами абсолютного семейного счастья Федоровых. Успех следует за успехом. Александр Митрофанович – популярный газетчик, его стихи, проза и пьесы постоянно печатаются в толстых столичных журналах: «Вестнике Европы», «Мире Божиим», «Русском богатстве», других. Он – активный участник артистически-художествен-

ной жизни города. Помимо материального благополучия успех приносит в его жизнь нечто новое – его теперь любят и ценят не только дома. Восторженное внимание, особенно внимание юных дев, влечет тем больше, чем больше усталость от безостановочной газетной и литературной работы, от обязательств бытового характера перед семьей. Первым о срыве, возможно, первым срыве, сообщает мельком в письме брату Бунин: «Федоров ни х<...> не делает, пьет, б<...> и т. д.».³

Письмо датировано 1 марта 1899 года. Бунин не совсем прав, говоря, что-де его приятель в то время совсем ничего не делал. Речь скорее о перерыве в очень напряженной работе. Просто плоды работы Федорова стали видны не сразу – это были новые журнальные публикации, книги и театральные постановки. К этому добавим, что в том же 1899-м году Федоров провел несколько месяцев на Волге в качестве корреспондента «Одесских новостей», описывая ужасающую ситуацию в пострадавших от голода деревнях. Поток статей для «Одесских новостей» стал заготовкой для романа «Земля» – равного по социальной значимости и художественной ценности его первому.

1899 год был насыщен работой, но что-то значительное явно происходило и в личной жизни. Летом супругов ждал удар. Федоров пишет Бунину: «Лидия Карловна около месяца тому назад родила, и ребеночек умер. Это на меня подействовало так нехорошо, что я заболел нервным расстройством».⁴

Бунин отвечает: «Очень жалко тебя, милый Митрофаныч, хотя надеюсь, что ты уже поправился. И отчего это вышло? Или это роковой 7-ой месяц виноват? Желая Л<идии> К<арловне> здоровья, а тебе – поскорей забыть об этом».⁵

Легко советовать! Александр Митрофанович болезненно переживает не только смерть ребенка, но и отчужденность жены, собственную вину перед ней. Этому посвящено одно из самых трогательных и изящных лирических стихотворений «Ранняя осень».

В аллеях отцветающего парка
Я видел осень утром золотым,
Когда листва на солнце рдеет ярко,
И синий пар, как панихидный дым,

Между ветвями влажными таится,
А сердце хочет плакать и молиться.

Печальная, беззвучно шла она
По желтым листьям, падавшим, как слезы,
В тених волос сквозила седина –
Глухой зимы знакомые угрозы,
И холодел румянец смуглых щек,
И взгляд ее был вдумчив и глубок.

И грусть такая чувствовалась в нем,
Что от лучей божественного взгляда
Моя душа ответным огоньком
Затеплилась, как вечная лампада.
Я не видал прекраснее очей,
Задумчивее, глубже и грустней.

Дыханьем умирающей травы,
Сырой землей, корою и грибами,
И ароматом тлеющей листвы
Был полон воздух. Тонкими перстами
Она ветвей касалась, и листки
Летели с них, кружась, как мотыльки.

А где деревьев бледные уста
Касались, – зелень вспыхивала нежно
И, радостным румянцем залита,
Вся замирала в грезах безмятежно.
Смерть поцелуй ее дарил, иль сон, –
Он был блаженством счастья озарен.

Я ждал ее. С безмолвною мольбою
Я на нее глядел издалека.
О, как я был истерзан весь борьбою!
Как я устал! Прекрасная рука,
Коснись меня! К устам прильни устами, –
И я замру с улыбкой и мечтами.⁶

За отчуждением следует кризис. Судя по стихотворению «Уходи!», семейное счастье на волоске.

За окнами виден из тьмы огонек,
Когда-то и я обогреться там мог...
То было давно и не будет во век.
Впереди, позади
Слышу шепот глухой:
«Уходи, уходи,
Ты чужой нам, чужой!»⁷

О семейном разладе – еще одно стихотворение того же периода. Его лирическая героиня – мать его ребенка:

Месяц поникший глядит мне в окно,
Спи, мальчик мой, усни.
Свеча догорает. Как жутко... темно...
Господь тебя храни.
Из рук выпадает невольно игла.
О, Боже, подкрепи!
Слезами я каждый стежок облила.
Спи, мой сыночек, спи.
От горя ль, от холода ль, бьет меня дрожь.
На свете мы одни.
Отец твой... как вырастешь, все ты поймешь.
Спи, мальчик мой, усни.
И если ты встретишь его на пути,
В толпе, в глухой степи, –
За все – за себя, за позор мой... прости.
Спи, мой сыночек, спи.⁸

Александр Митрофанович хорошо прочувствовал тяжесть удара, нанесенного собственной жене. Ему было отчаянно жалко ее, он чувствовал себя бесконечно виноватым, и он снова хотел ее доверия и любви. О примирении говорит история, точнее – деталь истории, связанной с приездом в Одессу в феврале 1900 года Чехова. Антон Павлович возвращался из поездки по Италии

и Франции и задержался в Одессе на несколько дней в ожидании парохода на Ялту.

В 1936 году литературовед А. Раскин обратился к Лидии Карловне с просьбой написать воспоминания о встречах с Чеховым, и она это поручение выполнила. За основу она взяла очерк мужа о его дружбе с классиком – многое в двух текстах совпадает в мельчайших деталях.

Лидия Карловна рассказывает, как Чехов, встретившись с Федоровым, узнает, что в Одессе находится Куприн. Он просит их познакомиться. Федоров бросается домой и встречает... Куприна, пьющего чай с его супругой. Федоров передает ему пожелание Чехова, но тот отвечает решительным отказом. «Во-первых, – объясняет Куприн, – только что вышла моя книга, и Чехов уже мог ее прочесть». Этот довод супруги встречают взрывом хохота. Не является ли смех, за которым стоит очевидное единомыслие в понимании его причины, показателем вернувшейся близости?

К этому следует добавить, что возрожденные чувства не могли укрепить первый большой гонорар за поставленную в санкт-петербургском Александринском театре пьесу Федорова «Бурелом». Пьеса о дебюте провинциального автора в редакции столичной газеты была во многом биографична, автор знал материал блестяще, отсюда успех. Критики, как им и полагается, во мнениях о пьесе разошлись, но публика была в восторге. «Биржевые ведомости» сообщили, что на премьере автора начали вызывать на сцену после второго акта. Бунин поздравлял друга Митрофанючу с удачей, Чехов ободрял и всячески поддерживал, сам же Федоров, располагая изданным томом, в который вошли четыре его пьесы, мечтал о новых победах. Как скоро выяснилось, напрасно, но летом и осенью 1900-го он был, что называется, на гребне успеха и надежд на еще больший успех.

В 1902 году семья в полном составе отправилась на два месяца в Италию. В Риме их экскурсоводом стал одесский журналист Владимир Жаботинский – протеже Федорова.

С появлением денег у Александра Митрофановича появляется новое хобби – он становится профессиональным путешественником. Продолжительная серия публикаций в «Одесских новостях» за 1902-й год позволяет проследить маршрут его новой поездки:

Турция, Греция, Египет, Индия, Китай, Япония. Он возвращается домой на поезде из Владивостока, по дороге работая над серией очерков и сонетов (!) о своем турне. Книга очерков «На восток» выходит в 1904, книга «Сонеты» в 1911.

Но по возвращении домой в лирике Федорова все настойчивее начинает звучать тема семейной несвободы:

В глухую ночь тропой знакомой
Сошел я на берег морской.
Меня давили стены дома
И их удушливый покой;

И на челнок, вчера прибитый
К земле стихиею шальной,
Я сел, как он, полуразбитый,
Как он, обманутый волной.

Здесь ночь была еще печальней,
Еще тоскливей тишина.
Тень заколоченной купальни
Качала мертвенно волна,

И черной траурной каймою
Песка касалась, шурша...
Я зарыдал, объятый тьмою,
И в мире ни одна душа
Меня не слышала.⁹

Картина побережья со спускающейся к каменистому пляжу тропой, купальня, лодки, море – не фантазия поэта, это фотографически точное описание местности в районе его дачи, столь же знаковой для старой Одессы, как Потемкинская лестница или оперный.

Современники оставили нам воспоминания о двух пассивах Александра Митрофановича этого времени.

В дневнике за 1903 года Бунин делает очень лаконичную запись: «1 янв., Чехов: «Бунин и Найденов в Одессе. Их там на руках носят». Мы с Н. жили в «Крымск. гост.» – Федоров и Лиза Дитерихс».

Тире между названием гостиницы и именами Федорова и его спутницы производит тот же эффект, что и отсутствие запятой в знаменитой фразе «казнить нельзя помиловать». Действительно ли Бунин видел Федорова с дамой в гостинице «Крымская», где он поселился со знаменитым автором «Детей Ванюшина»?

Вера Муромцева-Бунина в «Жизни Бунина» дает частичное разъяснение дневниковой записи мужа: «У Федорова в это время был роман с очень молоденькой Лизой Д. (...) Лиза была худенькой нервной барышней, без памяти влюбившейся в писателя. Ничего серьезного между ними не было, но в юности все кажется серьезным, драматичным. И она, приревновав его, решила покончить с собой; бросилась с моста, но, к счастью, зацепилась за что-то юбкой и была спасена. Все знавшие ее взволновались: дело сумели замять, и огласки оно не получило».¹⁰

Теперь, надеюсь, понятен вопрос о тире. Если встреча произошла в гостинице, то, наверное, заявление о том, что «ничего серьезного между ними не было», можно поставить под сомнение. Да, но кто она – эта худенькая и нервная барышня?

Елизавета Дитерихс – дочь гласного городской думы и мирового судьи Александра Михайловича Дитерихса, правнучка сподвижника Ришелье, военного инженера Карла Дитерихса. Дитерихсы принадлежали к городской знати, то есть их знали все. Поэтому несложно представить, сколько усилий следовало приложить, чтобы замять историю с попыткой самоубийства именной девицы. Именной она была и еще по одной причине. Елизавета Дитерихс – автор слов популярного по сей день романса:

Снился мне сад в подвенечном уборе,
В этом саду мы с тобою вдвоем.
Звезды на небе, звезды на море,
Звезды и в сердце моем.

Листьев ли шепот, иль ветра порывы
Чуткой душою я жадно ловлю.
Взоры глубоки, уста молчаливы:
Милый, о милый, люблю.

Тени ночные плывут на просторе,
Счастье и радость разлиты кругом.
Звезды на небе, звезды на море,
Звезды и в сердце моем.

Звезды, море, сады – все это в таком обилии присутствует в поэзии самого Федорова, что неудивительно обнаружить их отражение в стихах влюбленной в него юной поэтессы. И кто еще, если не юные поэтессы, должны были первыми попадать в сети тридцатипятилетнего красавца-поэта, чьи стихи печатались в самых авторитетных журналах России? История с Лизой Д. имела место в 1903 году. В 1904 году в те же сети попала другая начинающая поэтесса – пятнадцатилетняя Анна Горенко.

Она посвящает Федорову, по крайней мере, три стихотворения. Вот первое из них:

Над черною бездной с тобою я шла,
Мерца, зарницы сверкали.
В тот вечер я клад неоценный нашла
В загадочно-трепетной дали.
И песня любви нашей чистой была,
Прозрачнее лунного света,
А черная бездна, проснувшись, ждала
В молчании страсти обета.
Ты нежно-тревожно меня целовал,
Сверкающей грезой полный,
Над бездною ветер, шумя, завывал...
И крест над могилой забытой стоял,
Белея, как призрак безмолвный.¹¹

Стихотворение датировано 22 июня 1904 года. Летом того же года Александр Митрофанович пишет о своем новом увлечении. Правда, кому адресовано его произведение, мы не знаем. Ане? Или это еще воспоминание о Лизе?

Мы были на побережье возле скал.
Нас обвевал веселый ветер южный.

Под шорох волн, таинственный и дружный,
Всю жизнь мою тебе я рассказал.

У волн в песке гурьбой развились дети,
Звенели крики, смех и голоса,
И ясно улыбались небеса
На этот шум, счастливейший на свете.

Ты ласково спокойных умных глаз
От моего лица не отводила,
И руку ты в моей руке забыла,
И слушала безмолвно мой рассказ.

Все, что тогда в твоём я встретил взоре,
Мне не забыть... и первый день весны,
И шум детей, и пение волны,
И счастье, открытое, как море.¹²

Не менее года носила Анна любовь к одесскому ловеласу в своём сердце, и в 1905-м завершила ещё одно посвященное ему стихотворение:

О, молчи! от волнующих страстных речей
Я в огне и дрожу,
И испуганно нежных очей
Я с тебя не свожу.

О, молчи! в сердце юном моем
Пробудил что-то странное ты.
Жизнь мне кажется дивным загадочным сном,
Где лобзанья-цветы.

Отчего ты так нагнулся ко мне,
Что во взоре моем ты прочел,
Отчего я дрожу? Отчего я в огне?
Уходи! О, зачем ты пришел.

1904-1905¹³

Эти романы уже не вызвали в доме Федоровых того кризиса, который потряс его менее пяти лет назад. Может быть, к этому времени Лидия Карловна действительно выработала или начала вырабатывать способность смотреть на увлечения мужа как на неизбежность. Что до Анны, то и она успокоилась, поделившись с царскосельским другом Сергеем Штейном впечатлением, которое исправно цитируется при всяком воспоминании о ее одесском кавалере: «Летом Федоров опять целовал меня, клялся, что любит, и от него опять пахло обедом».¹⁴

Что тут сказать? Федоров, конечно, не был бесплотным ангелом. Ничто человеческое ему не было чуждо. Включая запахи застолий, которыми славился его дом.

Мы не знаем, был ли этот роман последним, но знаем, что Александр Митрофанович, как всегда, много работает. Лидия Карловна помогает ему. Он надиктовывает, она печатает на машинке. Помимо этого, она пишет сама. Из переписки с Буниным мы узнаем, что супруги пытаются опубликовать ее пьесу «Усадьба Хризанфовых». Безуспешно.

Это предприятие дает еще один повод для догадок. Бывшая театральная актриса решает вернуться к любимому делу в качестве драматурга – через 14 лет после ухода из театра? Или же Лидия Карловна ищет – на всякий случай – источник собственного дохода?

Что до ее супруга, то у того один за другим выходят новые романы, переиздаются ранние, непрерывным потоком идут рассказы, такой же обильный поток составляют путевые заметки. В 1906 году на борту парохода «Григорий Мерк» Федоров совершает поездку с 800 семьями еврейских эмигрантов в Нью-Йорк. Итог – книга «За океан». Бунин, ожидая появления приятеля в Египте, иронически замечает, что сейчас приедет Митрофаныч и напишет еще одну книгу. И тот пишет – «Солнце жизни» – настоящий путеводитель по святым местам. Перед тем как выйти книгой, главы из нее печатаются в иллюстрированной «Ниве». Осенью 1914-го Федоров отправляется в Варшаву и оттуда с группой журналистов из США, Англии, Франции и Японии едет по прифронтовой зоне на роскошном автомобиле марки «Бенц». Поток корреспонденций для «Киевского мира» и «Одесского листка» превращается в еще один 430-страничный том «С войны».

В то время как войне не видно конца, у Федоровых появляется новая забота – подросткового Витю пора определять в высшее учебное заведение. Судя по любви их мальчика к рисованию – в художественное. Папа выбирает Санкт-Петербургскую Императорскую Академию художеств, которую окончили или посещали многие его одесские друзья-художники: Кириак Костанди, Петр Нилус, Евгений Буковецкий, Тит Дворников. Другой выбор мог бы показаться странным. Амур временно отдыхает.

В 1917 году мир Федорова рухнул, хотя он продолжал активно писать, издавать книги и выступать в прессе вплоть до отъезда из Одессы в декабре 1919 года. В повести «Уже написан Вертер» Катаев отправил в дорогу литературного двойника Федорова с красоткой из «Альказара». Так назывался ресторан на ул. Садовой рядом с литературно-артистическим клубом, где часто бывал Александр Митрофанович. Но из Одессы Федоров уехал не с любовницей, а с другом – Петром Нилусом. Вместе они жили первое время в узком, как стол, номере варненской гостиницы, а затем в софийском «Континентале». Но действительно – почему Александр Митрофанович уехал в эмиграцию один, оставив жену, сына и двух внуков? Известна версия, согласно которой, его жизнь – денкинского пропагандиста-агитатора – была в опасности. Но ряд деталей в семейной истории Федоровых позволяет предположить, что отъезду действительно мог предшествовать разрыв с Лидией Карловной.

Судите сами.

Федоров уехал из Одессы в последних числах декабря 1919 года на болгарском пароходе «Витязь». Вера Муромцева-Бунина перечисляет уезжающих, но не упоминает среди провожающих Лидию Карловну, которую прекрасно знает и с которой многократно виделась в ее доме. Прибыв в Болгарию, Нилус и Федоров пускаются во все тяжкие – пьют и гуляют беспробудно, о чем Нилус подробнейшим образом сообщает в письмах Бунину, уже добравшемуся до Парижа:

«Поведение и мое, и Федорова улучшилось, меньше пьем, но одно время у него нога распухла и посинела как х_й и проступили на щеках кровавые печеночные прожилки. (Он тоже собирается в Прагу ехать. На каникулы.) Хотя Федоров, впрочем, как

ты говоришь, «подосрался», изменил Знойке, дефлорирует двух курсисток, препоганых».¹⁵

Знойка?! Нилус сообщает Бунину о ее связи с Федоровым так, словно Иван Алексеевич может ее знать – по имени и без дополнительных объяснений.

Он действительно может ее знать, если речь идет о Лидии Знойко – молодой писательнице, которая появилась в Одессе в 1918 году с волной беженцев из советской России.

Известно о ней совсем немного. Первая найденная мной ее публикация – рассказ «В подворье» в журнале «Нива» за 1917 год, еще два рассказа в первом номере того же издания за 1918 год. Затем поток публикаций в одесской периодике – пять в журнале «Жизнь» за 1918 год и одна 1919 года в журнале «Огоньки». Последний даже размещает ее фото – темноволосая большеглазая узколицая женщина с полными губами сидит за дачным столом у самовара. Редакция сообщает, что «молодая, начинающая писательница Л. Знойко» поселилась вместе с другими писателями, в числе которых Бунин и Федоров, на Большом Фонтане.

Судя по тому, что «измена» произошла в Болгарии, ее несло на Запад тем же потоком, который нес Федорова. Но двигались ли они в этом потоке вместе? И не она ли тогда та самая красotka из «Альказара», разрушившая семейную жизнь Федоровых? У нас нет ответа на этот вопрос.

Из Болгарии Нилус пишет в Одессу и своему другу художнику Евгению Буковецкому, подробно докладывая о ситуации на арт-рынке, чтобы тот мог сориентироваться и понять, на что он сам может рассчитывать в эмиграции. Хотя Нилус выражал надежду на скорую встречу, домосед Буковецкий эмигрировать так и не решился. Но тут важно вот что – существование почтовой связи с Одессой. Почту доставляли частным образом на пароходах, которые перевозили из Варны в Одессу русских военнопленных времен первой мировой, собранных в болгарском порту для отправки на родину. Но Федоров, уехавший в декабре 1919 года, устанавливает переписку с домом лишь в августе 1920, то есть через семь-восемь месяцев после отъезда! В это время Нилус сообщает в Париж Бунину: «Получил письмо от Митрофаньча. Оказывается, Витя сидит в тюрьме в качестве заложника...».¹⁶

Не является ли это «оказывается» подтверждением того, что до августа 1920 года Федоров домой не писал и писем из дому не получал? Чем же мог быть вызван такой продолжительный перерыв в связи, если не разрывом? А если так, то кто восстановил связь? Вполне возможно, что Лидия Карловна, когда сын попал в беду. Первый раз Виктор был арестован после ухода из Одессы со своей военной частью в январе-феврале 1919 года. Во время отступления его отряд был захвачен красными, разоружен и отправлен поездом в Одессу. Как следует из рассказа его первой жены Нади Ковалевской, Виктор бежал из вагона на станции, занятой частями Котовского, и обратился к нему за помощью. Будучи старым знакомым его отца, Котовский помог Виктору вернуться в Одессу и устроиться на прежнее место службы – в команду Большефонтанского маяка. Но в июле 1920 года всю службу маяка, в том числе и Виктора, арестовали по подозрению в контрреволюционном заговоре.

Вполне возможно, что Лидия Карловна разыскала мужа в надежде на оставшиеся у того в Одессе связи, а также в надежде на финансовую помощь, поскольку в этой совершенно трагической ситуации осталась без средств к существованию, и больше ей обращаться было не к кому.

С новой властью в Одессу пришли голод и тиф. Письма жены приводят Федорова в ужас. Голод, трупы на улицах, тиф. В конечном итоге Витю снова отпускают, как объясняет Федоров в письме Бунину – после коллективного письма, которое направляют в ЧК студенты и профессора одесского художественного училища, где он занимался. За него заступаются как за выдающегося художника. Мы знаем, как ЧК относилась к выдающимся представителям любых профессий, поэтому ясно, что талант тут ни при чем.

С.З. Лущик высказал в «Реальном комментарии к повести В. Катаева «Уже написан Вертер» версию, по которой Виктора освободили по ходатайству молодого писателя Андрея Соболя, знавшего еще по царской каторге замначальника одесской ЧК Макса Дейча. До этого Соболев спас от расстрела соученика Виктора по одесскому художественному училищу Николая Данилова. Лидия Карловна могла узнать об этом и броситься к Соболю, который, к тому же, был знаком с ее мужем. Это, наверное, и объяс-

няет слова Федорова-старшего об участии в деле освобождения Виктора студентов училища, его соучеников.

Кто бы ни уберег Виктора от расстрельного гаража, до конца дней он считал, что это исключительная заслуга его матери. Незадолго до смерти в советском концлагере Виктор, все чаще обращающийся к Богу, написал жене: «...мне кажется, что это мать моя у Его престола молит о моем спасении, и спасет, как и в далекой моей юности».¹⁷

Но вернемся в 1920-й год. Письма из Одессы словно отрезвляют Александра Митрофановича. Этому помогает и устройство на преподавательскую работу в софийскую гимназию. Очень скромного жалованья хватает лишь на оплату жилья, средства на вино и девушек исчезают вместе с уехавшим из Софии Нилусом.

Нилус иронически отозвался о творчестве Федорова того времени как о безостановочном плаче «по покинутому дворцу» и «гениальному сыну». Этот плач мы непрерывно слышим в письмах Федорова в Париж: безденежье, ненавистная педагогическая работа, отказы издателей платить гонорары, отчаянное положение оставшейся в Одессе Лидии Карловны.

Конечно, на вопрос, как же он мог бросить жену, своего мальчика и двух внуков, может быть больше одного ответа. Одно из объяснений мы находим в его письмах: Лидия Карловна осталась присматривать за домом, в который семья должна была вернуться после обрушившейся на страну смуты. Власть большевиков многими тогда воспринималась как временная. Есть еще одно соображение: в 1920-м Лидии Карловне было 55, и, не отличаясь крепким здоровьем, она просто не решилась на побег. Помочь ей в этом планировали бежавшие из Одессы друзья Федоровых – литераторы Недзельские. Успешно перебравшись через Днестр, они поселились в Кишиневе, вскоре приняв бежавшего из Одессы Виктора. Не став дожидаться третьего ареста, тот переправился в Румынию хорошо проторенной дорогой – через днестровские плавни. В биографии он даже назвал место переправы – Бендеры. Его жена Надя Ковалевская вскоре последовала с детьми за ним, а Лидия Карловна осталась в Одессе.

Александр Митрофанович не переставал жаловаться на невозможность помочь ей, но, надо сказать, что после введения нэпа жизнь ее наладилась. Как сообщает С.З. Луцник, практичная

Лидия Карловна превратила свой дом в пансион для творческих работников. Он привлекал многих столичных деятелей новой советской культуры по старой памяти как «дача Федорова», где они бывали в лучшие времена. Среди них был Мейерхольд, Багрицкий, Нарбут, Олеша, другие.

Тем не менее Александр Митрофанович был склонен видеть жизнь Лидии Карловны в самых мрачных тонах. Он не мог не чувствовать собственной ответственности за ее положение, но в стихах пытался прикрыть вину как бы искренним удивлением несправедливостью жизни.

Нет, никогда я не пойму,
Хотя бы мозг сгорел, страдая,
За что, зачем и почему
Одна в покинутом дому –
Вся в черном женщина седая.
Не спит все ночи напролет.
Как скорбен лик ее бескровный.
И ходит-ходит взад-вперед –
Вдруг остановится, замрет
И все петлистый шаг неровный.
О скалы бьет морской прибой.
Седая женщина все ходит
И говорит сама с собой,
И взор, сгорающий мольбой,
С икон к портретам переводит.
Подходит молча к одному,
К другому – и потом, рыдая,
Глядит в окно сквозь дождь и тьму.
Одна, в покинутом дому.
Вся в черном женщина седая.¹⁸

В 1937 году дирекция Одесского дома творчества решила прибрать дачу Федорова к своим рукам. Сделано это было самым простым и эффективным по тем временам способом: с помощью доноса. Лидию Карловну арестовали 14 октября 1937 года. Она была признана виновной в связях с белой эмиграцией и контрреволю-

ционной деятельности. Ее приговорили к высшей мере наказания и привели приговор в исполнение 29 октября того же года.

Герой последнего романа Федорова «Плеяды», писатель-эмигрант Александр Виссонов рассказывает, что 14 ноября 1937 года его посетило страшное видение. На ночной улице Софии он слышит пронзающий сердце крик пролетевшей над ним тени. Вернувшись домой, он пишет сонет, своей жутковатой образностью напоминающий стихи Эдгара По.

Глубокой осенью, в час полночи железной,
Когда сквозистый мрак бездушен и студен,
И весь как бы пронзен алмазной нитью звездной,
Я мимо башни шел, тоскою изможден.
Внезапный плач иль стон, томящий и бесслезный,
Остановил меня. И к месту пригвожден,
Я, как слепец, себя почуявший над бездной,
Весь замер. Надо мной, виденье или сон,
Бесшумно промелькнул какой-то призрак странный
И поднял волосы движеньем крыл едва.
Дух ночи? Нет, всего сова, сова, сова.
Но сердце мне пронзил вещатель окаянный.
Я понял, что она, далекая, мертва,
И с ней все умерло. Одна лишь скорбь жива.¹⁹

Начав наводить справки, Виссонов выяснил через парижского друга, что его жена арестована. В жизни информация из Одессы была, скорее всего, передана Евгением Буковецким в Париж, где жила его дочь Ирина. Через нее она попала к Нилусу или Бунину, а от них – в Софию.

Потеряв преподавательскую работу в середине 30-х, Федоров не оказался на улице. Иногда ему помогал деньгами живший в Бухаресте сын. Эта помощь вряд ли была регулярной, поскольку новая подруга его жизни (отношения с первой женой Н. Ковалевской прервались) контролировала каждую принесенную в дом копейку. Точнее – лею. Александру Митрофановичу помогал финансово его близкий друг – директор Национальной библиотеки Болгарии Стилиян Чилингиров. Но главное – его взяли на свое

полное попечение хозяева дома, где он жил уже много лет, – овдовевшая Невена Желязова и ее дочь Лиляна.

«...мой друг в своем маленьком домике устроил мне на чердаке маленькое, но чудесное жилье. Правда, потолок в моей комнате я достаю моей головою, но зато большое окно мое выходит на Витошу, вид чудесный, и в комнате поставлена кафельная, а не масляная печь. (...) Если бы не этот ангел-хранитель мой со своей очаровательной дочерью, я бы удавился от тоски и муки».²⁰

Когда хозяйка овдовела, он сошелся с ней, что следует из воспоминаний ее дочери, последнего романа Федорова «Плеяды» и его писем Бунину. В официальный брак Невена с Александром Митрофановичем не вступала. Если смотреть на героя «Плеяд» Александра Виссонова как на альтер эго Федорова, то становится понятным, почему. Невена: «...из непонятного страха, оправдываемого отчасти лишь тем, что, выходя замуж, она теряет пенсию, получаемую после мужа, а материальные обстоятельства их ухудшались день ото дня...» – отказалась обвенчаться с ним.²¹ К этому следует добавить, что венчаться при живой жене Федоров тоже не мог.

Что до страха Невены, то он был совершенно понятен – пенсия покойного мужа была единственным источником дохода в доме.

Последний роман касается еще одной важной темы в жизни Виссонова-Федорова – возвращения на родину. Поводом для мыслей об этом стала репатриация в 1937 году А.Н. Куприна. Жена Виссонова Лидия Сергеевна пишет ему из Одессы, что-де пора признать свою ошибку, понять необходимость очистительной жертвы революции и вернуться, но муж ставит – не совсем понятно, кому именно, – совершенно невыносимое условие: если *все* вернутся, то и он вернется.

В ноябре 1946 года Александр Митрофанович сообщил в письме своей новой невестке Елене Дину-Федоровой в Бухарест: «У меня уже советский паспорт». Но он никогда им не воспользовался.

Почему?

В 1945 году он познакомился с несколькими советскими писателями, оказавшимися в Болгарии в составе оккупационных войск. В их числе называют украинского поэта Павла Тычину и известного литературоведа, специалиста по Лермонтову Исаю Заславского. Последний, наговорив Федорову кучу комплимен-

тов, пообещал передать его рукописи в московские издательства. С ними он улетел в Москву. Публикация всего, что было написано за два десятка лет в эмиграции, обещала Федорову и возвращение в родную литературу, и гонорары, с помощью которых он мог бы расплатиться со своими благодетельницами. Казалось, удача, которой он ждал всю свою эмигрантскую жизнь, наконец-то пришла к нему. Его ждало горькое разочарование – рукописи, равно как и увезший их Заславский, исчезли.

Федоров теперь чувствовал себя не просто забытым родной литературой, он был отвергнут ей. Он был нищ, он был стар, ему больше нечего было ждать, никто не ждал его. У него не осталось ничего, кроме воспоминаний о детстве на Волге и о безвозвратно потерянной жене, которую он любил, которую предавал и все равно любил.

Уж ты давно в земле истлела,
И вдруг твой образ, как цветок,
Расцвел и душу мне, и тело
Воспоминанием зажег.

То, что Ты взял от нас, о, Боже,
Что уж испеплилось в золе,
Душе становится дороже
Всего живого на земле.

Так от звезды давно погасшей
Лишь через много, много лет
Доходит в ночи жизни нашей
Благословляющий привет.²²

Примечания

¹ «Стихотворения А.М. Федорова». Изд. И.Г. Советова. М., 1894, с. 71.

² «Письма И.А. Бунина 1895-1904 гг.». М. ИМЛИ РАН, 2003 г. Далее: «Письма И.А. Бунина 1895-1904 гг.». Письмо № 339 А.М. Федорову. Цитируется по электронной версии в Библиотеке Мошкова.

- ³ «Письма И.А. Бунина 1895-1904 гг.». Цитируется по электронной версии в Библиотеке Мошкова. Письмо № 339.
- ⁴ Письмо А.М. Федорова И.А. Бунину. Отрывок. ОГЛМТ, ф. 14, № 3177/15 оф.
- ⁵ «Письма И.А. Бунина 1895-1904 гг.». Письмо № 425 от 1 авг. 1899 г.
- ⁶ А.М. Федоров. «Мой путь». Изд. Н.Н. Клочкова. – М., 1910, с. 50. Далее: «Мой путь».
- ⁷ «Мой путь», с. 60.
- ⁸ «Мой путь», с. 64.
- ⁹ «Мой путь», с. 83.
- ¹⁰ «Вера Муромцева-Бунина. «Жизнь Бунина». – М.: Вагриус, 2007, с. 219.
- ¹¹ А. Ахматова. Собрание сочинений в 6 т. – М.: Эллис Лак, 1998. Т 1, с. 6.
- ¹² «Мой путь», с. 109.
- ¹³ А. Ахматова. Собрание сочинений в 6 т. – М.: Эллис Лак, 1998. Т 1, с. 7.
- ¹⁴ А. Ахматова, письмо Сергею Штейну. Цитируется по: «И снова об Анне Ахматовой». Анна Божко. «Вечерняя Одесса», № 90, 23 июня 2009 г.
- ¹⁵ Письмо П.А. Нилуса И.А.Бунину. Осень 1920 г. – Архив И.А. Бунина. Университет г. Лидса, Великобритания. Далее: Лидский архив.
- ¹⁶ Письмо П.А. Нилуса И.А. Бунину. Без даты. Отправлено из Вены, возм., осенью 1920 г. Лидский архив.
- ¹⁷ Письмо Виктора Федорова жене Елене Дину в Бухарест. 14 марта 1946 года. Семейный архив Федоровых.
- ¹⁸ Архив А.М. Федорова в Библиотеке редких рукописей Байнеке в Йельском университете. Хартфорд, Коннектикут. США. Далее: Йельский архив.
- ¹⁹ Федоров А.М. «Плеяды». Роман. – «Новый журнал». 2011, № 265, с. 131.
- ²⁰ Письмо А.Ф. Федорова И.А. Бунину. Отправлено между июнем и сентябрем 1931 г. Лидский архив.
- ²¹ А.М. Федоров. «Плеяды». – «Новый журнал», Нью-Йорк, № 265, 2011, с. 138.
- ²² Йельский архив. Дата написания: 25.VII.43. Стихотворение могло быть реакцией А. Ф. на сообщение сына Виктора из Одессы о гибели матери. В годы войны дирекция Бухарестской оперы, где он работал художником-декоратором, направила его в командировку в Одессу, что позволило ему узнать о судьбе матери.

